

УДК 330.59

Международный опыт исследования качества жизни

Зиятдинова Ф.Г.

Доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой философии и социологии
Казанского государственного финансово-экономического института

Зиятдинов А.Р.

Кандидат экономических наук

Анализируется опыт развитых экономик мира в достижении высокого или приемлемого качества жизни. На основе сравнительного анализа авторы приходят к выводу, что страны с системами активного государственного регулирования социально-экономической сферы по шведской модели значительно превышают рейтинги по индексу развития человеческого капитала классических капиталистических стран Западной Европы и США. Определены сущностные компоненты этой модели: универсальная система социального обеспечения, развитый государственный сектор социальных услуг, активная политика в области занятости, регулирование ценовой политики по обеспечению стабильности цен и снижения бедности.

Ключевые слова: качество жизни, образ жизни, уровень жизни, государственное регулирование, минимальный размер оплаты труда.

Ситуация, в которой оказалась Россия в ходе трансформационных (еще далеко не завершенных) изменений в социально-экономической, политической, культурно-нравственной, духовной сферах жизнедеятельности общества, требует более пристального изучения, анализа и обобщения тех мировых социально-экономических практик, которые позволили пережить другим обществам подобные ситуации более безболезненно или дали возможность с меньшими социальными издержками решить проблему соотношения институтов государства и рынка, не понижая до российских параметров качество жизни своего населения.

В этом плане «Шведская модель» справедливо является приоритетной и заслуживает внимательного анализа. При этом авторы не ставят перед собой задачу анализа содержания научной полемики по поводу эффективности макросоциального опыта государственного регулирования рыночных экономических процессов капиталистического общества, развивавшегося до середины XX века в традициях классического рыночного государства [см.: 1; 2, с. 55-56; 3].

Участниками процесса социально-экономического развития в направлении к социально-справедливому жизнеустройству в Швеции

выступили не только социал-демократы, стоявшие у власти, но и институты гражданского общества в лице профсоюзных центров, общенациональных ассоциаций предпринимателей, объединений фермеров, потребительских организаций, союзов квартиросъемщиков.

Базируясь на национально-исторических особенностях защиты социальных интересов граждан страны, эти общественные организации заключили соглашения по самым актуальным социально-экономическим проблемам: ценовая политика, уровень заработной платы, налогов, субсидий. По существу, инструментом создания модели «шведского социализма» явилась социализация собственности через государственные органы и перераспределение растущей части национального дохода в интересах абсолютного большинства населения.

Практика согласований, договоренностей, которая стала результатом «воли к переменам, воли к осуществлению мечты и идеалов» (А.М. Линдгрэн, теоретик социал-демократической рабочей партии Швеции) [4], позволила существенно выровнять социальный статус, повысить благосостояние и качество жизни населения.

Особым институтом, обеспечившим эту работу, явилось государственное социальное страхование и национально-государственная система социальных услуг, финансируемая из бюджета и доступная для всех граждан незави-

симо от их материального положения. Источником наполнения государственного бюджета и расходов на социальные нужды и сейчас являются высокие налоги, взимаемые не по плоской, а по прогрессивной шкале. В середине 90-х годов государственным сектором Швеции осуществлялось 32 % от всех оказываемых в стране услуг, в то время как в США они составляли 14 % (таблица 1).

Сами создатели оценивали экономическую систему как модель создания общества благосостояния, главные цели которой – равенство и полная занятость, а существенные компоненты – универсальная (всеобщая) система социального обеспечения, большой государственный сектор социальных услуг, политика солидарности в области заработной платы и активная политика занятости.

Другими инструментами и механизмами решения столь глобальной социально-экономической задачи в условиях рыночного общества стали: бюджетная социально-финансовая политика; законодательство, направленное на решение этих целей; практика коллективно-договорного регулирования оплаты труда.

По предложению профсоюзного центра на основе кейнсианской системы макроэкономического регулирования была разработана государственная концепция устойчивого экономического роста и сдерживания инфляции. При этом была поставлена задача по обеспечению

Таблица 1

**Шведская модель общественного развития [5, с. 30]
Социально-экономическая роль государства в Швеции, %**

	Швеция		Западная Европа		Все развитые страны	
	1970 г.	1997 г.	1970 г.	1997 г.	1970 г.	1997 г.
Госрасходы*, доля ВВП	36,8	67,6	32,0	47,3	29,3	39,3
В том числе социальные	22,2	51,6	19,7	31,3	16,3	25,1
Из них на образование и здравоохранение	12,3	25,9	9,0	13,1	7,1	10,1
Трансферты населению**	9,9	25,7	10,6	17,9	9,1	14,9
Социальные ассигнования, доля в госрасходах	60,3	76,3	61,6	65,9	55,7	63,7
Ассигнования, доля в соц. расходах государства на образование и здравоохранение	55,3	50,2	45,5	42,2	43,8	40,2
Государственные трансферты населению, доля в денежных доходах населения	10,3	24,7	11,6	17,9	10,9	15,5
Разрыв в доходах высшего и низшего децилей, число раз	7,8	5,4	12,5	7,9	14,6	10,0

* Включены расходы не только консолидированного бюджета, но и государственных социальных фондов

** Государственные пенсии и пособия

стабильности цен и полной занятости населения, что, в свою очередь, решало проблему снижения бедности и существенного повышения качества жизни.

Методологически это было выполнено через понижение налогов и кредитно-денежной политики платежеспособного спроса до безинфляционного уровня. Однако при этом полная занятость еще не достигалась. Для этого были разработаны адресные меры государственного регулирования трудовой занятости через общественные работы, госзаказ, стимулирование активности частного сектора и т.п. Здравоохранение, образование, страхование, социальное обеспечение стали полностью бесплатными. Практика повышения ставок зарплаты для низкооплачиваемых категорий занятых решала задачу социального выравнивания. Шведский союз работодателей как координирующий центр всего бизнеса и профсоюзы солидарно и последовательно решали задачу повышения заработной платы. Достаточно сказать, что в компоненты и типичные индикаторы обследования качества жизни до сих пор входит компонент «экономические ресурсы», предусматривающий доход и собственность, позволяющие покрыть неожиданные расходы свыше 1000 долл. в неделю [6].

Существенному повышению рентабельности труда служил принцип «равная плата за равный труд», обеспечивавший зависимость зарплаты от качества и характера труда. Фирмы были вынуждены одинаково повышать зарплату, что заставляло низкорентабельные предприятия либо закрываться, либо повышать свою оснащенность и хозяйственную деятельность. При этом увольняемые не оставались без помощи, их поддерживала продуманная до деталей политика занятости со своими учреждениями подготовки и переподготовки кадров, служб найма, прогнозных служб наиболее востребованных видов занятости, субсидии рабочим-инвалидам и т.д. В итоге люди, сокращенные из нерентабельных производств, получали более престижное и высокооплачиваемое рабочее место. Такая практика дала в Швеции более эффективные результаты, чем пассивная помощь безработным через выплату пособий в большинстве западных стран.

Считаем, что этот опыт очень полезен и для российской системы трудовой занятости, больше фиксирующей безработных, чем предлагающей им конкретную помощь в поиске и освоении новых видов трудовой деятельности.

Надо отметить, что в 60-е годы подобные широкомасштабные поиски форм, инструментов повышения качества жизни осуществлялись не только в Швеции. В других западных странах также возникали движения, похожие на шведские по содержанию, но, быть может, менее успешные по результатам. Это, к примеру, «политика доходов» в Финляндии, также ставившая целью солидные социальные инвестиции в государственном бюджете, направляемые на повышение благосостояния и уровня жизни большинства населения страны.

Можно сказать, что эти традиции стран Северной Европы до сих пор позволяют их экономикам быть в ряду наиболее стабильных и социально-ориентированных, о чем будет сказано ниже. В Испании был принят Пакт Монклоа, позволивший поднять до приемлемого уровень оплаты труда наименее обеспеченным слоям населения, в Италии была разработана и принята специальная программа экономического регулирования, также направленная на социальное выравнивание качества жизни, сокращение резкого уровня дифференциации доходов разных социальных групп населения. В Германии вводилась система акций, приобретение которых давало существенные дивиденды наименее социальнозащищенным. В Англии практиковали «социальный контракт», позволявший обговаривать многие социальные условия найма на работу, обязанности работодателя.

Отличие шведской модели от многих западных вариантов состояло в большей степени универсальности и надежности механизмов социального обеспечения и страхования. Они и сейчас предоставляются гражданину страны независимо от наличия его взносов. Такого уровня социальной защиты не имела даже социалистическая система СССР. До настоящего времени социальные расходы Швеции – самые высокие в мире. Результаты такого решительного наступления государства на рынок и установления опеки над большей частью социально-экономической сферы оказались многоплановыми.

В связи с обозначенной нами темой исследования проанализируем эффективность политики социального выравнивания и повышения качества жизни населения Швеции. Они очень рельефно представлены в подсчетах Д. Брэдли, использовавшего коэффициент Джини за 6 выборочных лет (с 1967 по 1995 гг.). Он и его коллеги установили, что у молодых шведов в расчетной группе 25-29 лет неравенство доходов в результате налоговой и трансфертной политики снизилось на 38 %, в то время как у американцев этой же возрастной категории неравенство в доходах в 2 раза выше, так как показатель неравенства уменьшился лишь на 18 %. В 1995 году Швеция достигла рекордной для западных стран величины выравнивания доходов – 47 %. Для сравнения: минимум этого показателя – 6 % был достигнут Швейцарией в 1982 г. [1; 7, с. 209-211, 225].

Таким образом, опыт Швеции свидетельствует, что меры государства по регулированию социально-экономической политики дают населению возможность выравнивая доходов, существенного снижения дифференциации и *поляризации общества*. Экономическое положение шведской семьи стало более стабильным и прогнозируемо устойчивым. По исследованиям экономистов, за 30 лет с 72 % до 40 % снизилось число людей, занятых в частном секторе и коммерции. Практически в 4 раза сократилась зависимость шведских граждан от колебаний и нестабильности рынка. Государственные трансферты населения в его совокупных денежных доходах составляют четвертую часть, в то время как в западных странах 15-16 % [8, с. 7].

Сохраняя традиционные основы общественно-экономического уклада жизни – частную собственность, рыночные отношения, Швеция по степени регулируемости и направляемости социальной сферы жизнедеятельности людей, в области регулирования динамики повышения качества жизни стоит значительно выше, чем другие западные страны. Так, шведы считают жилье больше объектом общественного использования, чем товаром, ибо оплата за него в стране установлена чисто символическая. По числу комнат на душу населения Швеция занимает одно из первых мест в мире.

В то же время надо иметь в виду, что положительные результаты в росте благосостояния народа, динамике государственного регулирования качества его жизни могут быть получены и более уравновешенными способами этого регулирования. Сопоставление динамики доли трансфертов в ВВП и соотношения долей высшего и низшего децилей в совокупных доходах домохозяйств за 1970-1997 гг. в 15 странах показало отсутствие обратной пропорциональности между наращиванием первой величины и сокращением второй. Иными словами, увеличение доли трансфертов может и не повлечь адекватного снижения соотношения между долями названных децилей в совокупных доходах. Так, при росте доли трансфертов в ВВП в 2,0 – 2,9 раза Швеция, Япония, Испания, Италия и Канада показывают уменьшение соотношения между долями высшего и низшего децилей в 1,6 – 1,4 раза. В то же время Англия, Австралия, США, ФРГ и Франция имеют первую величину в пределах 1,7 – 1,4 раза и вторую – 1,4 [9, с. 113-114, 122]. Явно большее увеличение доли трансфертов в первой пятерке стран отнюдь не вело к явно большему, чем во второй, выравниванию в доходах.

В то же время авторы считают эффективным более активный рост трансфертов в ВВП по практикам госрегулирования первой группы стран, ибо они имеют в целом превышающие рейтинги по индексу развития человеческого потенциала по данным ООН по итогам 2005 года (из «Доклада о развитии человека 2005» (ПРООН)). Так, Канада, Швеция, Япония, Италия занимают соответственно 5, 6, 11, 18 места в списке стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала. Рейтинги стран второй группы, тех, что имеют невысокую долю трансфертов в социальную сферу, в обобщенном виде ниже: США – 10 место, Англия – 15, Франция – 16, Германия – 20-е место. Значительно выделяется из этого ряда только Австралия, имеющая 3-е место.

Уместно отметить, что страны с системами большего огосударствления социально-экономической сферы по шведской модели, такие как Норвегия, Ирландия, Бельгия, Нидерланды, Дания, Финляндия имеют значительно превышающие рейтинги по индексу развития чело-

веческого капитала, чем классические капиталистические экономические системы Западной Европы и США.

Приходится констатировать, что группа наших бывших соседей по социалистическому лагерю: Словения, Чешская республика, Литва, Латвия, Хорватия находятся в первом списке, т.е., по оценкам ООН, имеют более высокий, чем у нас, уровень развития человеческого потенциала.

Исходя из того, что все перечисленные страны, включая Чили, Сингапур, Новую Зеландию, характеризуются повышенным вниманием к развитию социальных сфер своих экономик средствами государственного регулирования, высокой социальной нагрузкой на бюджет, авторы не могут согласиться с озвучиваемым в последнее время тезисом о том, что «усиление перераспределительной активности за определенным пределом теряет социальную эффективность» [1, с. 80].

По крайней мере, для российской экономики эта задача сегодня архиважная, и она, к сожалению, осуществляется темпами, не соответствующими показателям целого ряда развивающихся стран. С этой точки зрения, даже критики шведской модели признают, что «большие, по международным меркам, социальные достижения Швеции – неоспоримое свидетельство успеха ее социал-демократии в решении первоочередной социальной задачи, каковой является ликвидация бедности» [1, с. 82].

Вряд ли можно считать бесперспективной модель экономики, где государственные ассигнования на образование и здравоохранение в ВВП превосходят западноевропейские страны в 2 раза, а все развитие – в 2,5 раза [9, с. 116-120]. Были обеспечены полностью бесплатные услуги в области образования, здравоохранения, государственные трансферты на покрытие этих услуг превышали трудовые доходы среднего шведа. Именно социальная коррекция и координация государством с помощью политики «планового хозяйства» обеспечили полную занятость населения в течение трех десятилетий (60-е – 80-е годы).

Значение «шведской модели» экономического развития, обеспечившей высокое качество жизни не для 2 % «новых» граждан, а для всех

слоев населения, состоит в практическом использовании возможности регулирования рынка факторами, базирующимися на равном праве голоса всех при распределении общественных благ средствами государственного регулирования и политики (policy). Можно согласиться с исследователями международного опыта в формировании достойного качества жизни, считающими, что через выравнивание соотношения «рынок – государство», общественно-государственное вмешательство, будучи призванным противодействовать отрицательным сторонам рынка, включает также потенциал противостояния самому рынку [10, с. 55].

Со своей стороны, отметим, что в нашем исследовании речь вовсе не о противостоянии рынку, а о поиске оптимальных путей государственного регулирования и предотвращения его негативных последствий для социальной сферы жизнедеятельности людей, повышения качества их жизни. Оценка, даваемая целым рядом исследователей и подтверждаемая экономическими реалиями, действительно такова, что «псевдорыночная экономика, утвердившаяся в России в результате избранной реформационной модели, отодвинула нашу страну на обочину глобализируемого мирового хозяйства» [11, с. 12].

Именно с этих позиций международный опыт функционирования оптимальных рыночных экономик «с человеческим лицом», стабилизирующих, а не расшатывающих государственную целостность и стабильность, очень необходим сегодня для определения проверенных жизнью методов и методик, принципов, векторов направленности экономического развития России.

По нашему мнению, особого внимания заслуживает опыт стран Скандинавии, демонстрирующих особую эффективность государственной власти, высокие рейтинги конкурентоспособности. Они бросают вызов уже ставшему в какой-то степени стереотипом мнению, что страны с высокими налогами и чрезвычайно развитой системой социального обеспечения (страны так называемого «социального капитализма») не могут быть конкурентоспособными в экономическом развитии. Одним из главных конкурентных преимуществ скандинавских стран эксперты на-

зывают высокое качество политического и макроэкономического управления, которое обеспечивает «социальную сплоченность» населения, стабильность и предсказуемость условий хозяйствования, низкий уровень инфляции и профицит государственного бюджета, низкий уровень коррупции, благоприятную почву для динамичного роста инноваций и рабочих мест, приоритетного развития науки и образования, т.е. создает такую хозяйственную среду, в которой превыше всего закон и уважение к контракту.

Так, если в активе лидера глобальной конкурентоспособности – США такие мощные факторы, как первенство в глобальных технологиях, способность общества к предпринимательству и риску, высококонкурентная экономическая среда, то Финляндия сегодня является лидером в показателях, характеризующих качество общественных институтов управления и власти. Хотя и по уровню технологий, и инновационности эта страна на третьем месте после США и Тайваня.

Приоритеты Евросоюза по достижению к 2010 году первенства в конкурентоспособности («Лиссабонская стратегия») включают в себя создание «информационного» общества, развитость инноваций и НИОКР, либерализацию и открытость экономики, приоритетное развитие «сетевых» секторов (телекоммуникации, почта, Интернет, СМИ, телевидение, транспорт, виртуальные финансовые рынки и биржи и т.п.), создание единого и эффективного рынка финансовых услуг, наиболее благоприятную среду для малого бизнеса и предпринимательства, высокую социальную «инклюзивность» общества (вовлечение в него таких категорий, как нацменьшинства, инвалиды, старики, молодежь) и, наконец, укрепление экологически устойчивой модели развития.

После последнего пересмотра Евросоюзом достижений стран-членов Союза в реализации этих целей Лиссабонской повестки дня Финляндия была признана первой в Европе по этим показателям. Сейчас она решает задачи увеличить общественные ассигнования на науку и исследования на 7 % ежегодно, улучшить финансирование малого и среднего бизнеса путем усиления венчурного компонента, используя для этого капитал государственных финансо-

вых учреждений, осуществить на практике меры правительственной программы, касающиеся облегчения налогообложения прямых иностранных инвесторов, стимулировать участие в финской экономике иностранных экспертов путем упрощения иммиграционных процедур и выдачи разрешений на работу, продолжить снижение на всех уровнях «налогового пресса» на фонд зарплаты с целью стимулирования занятости, обеспечить финансовые ресурсы для стимулирования сферы образования.

Опыт ряда западных стран, в особенности Швеции, интересует нас с точки зрения именно опыта осуществления идеи коллективного накопления капитала, его использования как основного источника повышения качества жизни абсолютного большинства населения, желающего активно идти навстречу усилиям государства поддержать их. Немалый интерес представляет попытка создать в условиях рыночных механизмов капиталистической экономики специальные фонды трудящихся, какие были только в социалистическом обществе (фонды общественного потребления). Другие фонды, в массовом порядке организуемые в современных западных и восточно-европейских странах, имеют в основе, как правило, негосударственные или не только государственные источники создания. При формировании специальных фондов трудящихся государственные структуры Швеции и других стран опираются на «экономическую демократию – способ организации хозяйственной жизни и управление ею, при котором частные, коллективные, общественные и государственные институты, организации и механизмы обеспечивают на практике социально-экономические права и свободы граждан, зафиксированные в конституциях, а также во Всеобщей Декларации прав человека и гражданина, Пакте об экономических и социальных правах, Конвенции Международной организации труда и иных международных документах» [12, с. 45].

Ясно, что именно труд, трудовые отношения являются базовой компонентой уровня жизни, определяющей качество жизни населения; независимо от того, какая часть семьи занята трудом, его результаты в виде вознаграждения и являются основой качества жизни семьи.

Существует и второй подход к толкованию экономической демократии как принципа принятия отношений собственности, установленных в социуме, согласия с ними. Либеральный взгляд на экономическую демократию сфокусировал один из ведущих экономистов XX века Л. Мизес: «Капиталистическое общество есть воплощение того, что следовало бы назвать экономической демократией, если бы этот термин... не начали использовать исключительно для обозначения системы, в которой рабочие не только как потребители, но и как производители могут принимать решения о структуре и объемах производства. Такое положение дел было бы столь же мало демократичным, как, скажем, политическое устройство, при котором правительственные служащие, а не весь народ, определяли бы способ управления государством...» [13, с. 20]. Современная либеральная демократия трактует экономическое либеральное управление как участие всех слоев, занятых трудом, в том числе рабочих, в прибылях, управлении и собственности [14, с. 6]. Граждане нашей страны имеют небольшой опыт «участия в прибылях», ибо они все являлись владельцами именных чеков, ваучеров и знают, что участие в прибылях по существу является фикцией. Известная система ESOP, разработанная с целью привлечения рабочих и всего персонала предприятия к участию в доходах практически не меняет материального, статусного положения наемного работника, не расширяет его реальных, а не номинальных прав.

Поиск форм, способов повышения качества жизни привели к возникновению более масштабных разработок и в других западных странах. Подаваемые как «Codetermination», «Mitbestimmung» (соучастие), они инициируют разработки и инициативу профсоюзных объединений по участию в накоплении капитала. Так, во Франции очень развитые формы приобрело сначала теоретическое исследование, а потом и реальная практика движения рабочего самоуправления (augestion).

По сравнению с «соучастием» их концепция самоуправления предусматривала изменения в отношениях собственности, вплоть до передачи средств производства в групповое владение персонала предприятий, развертывание кооперативного сектора, основанного также на

коллективной собственности работников предприятий. Во второй половине 70-х годов Французская демократическая конфедерация труда (ФДКТ) рассматривала самоуправление даже как альтернативу капиталистической системе, как основу нового социально-экономического порядка. Самоуправление должно было обеспечить работникам неограниченный доступ к самостоятельному принятию решений и непосредственному участию в выработке основ экономического и политического развития. В функции самоуправления должны были войти такие вопросы, как определение направления деятельности предприятий, выработка плана и проверка выполнения принятых решений. Завершению этого масштабного движения помешала неудача социально-экономической политики Президента Ф. Миттерана, что привело к ослаблению интереса к самоуправлению. Социалисты отошли от абсолютизации прямых форм участия работников в управлении производством и приходят к выводу об ограниченности прямой демократии, ибо, по их мнению, она не может служить основой принятия решений по макроэкономическим вопросам [15, с. 348].

Время острого экономического кризиса 70-х годов в Западной Европе вызвало массовые попытки трудовых коллективов объявить свои предприятия самоуправляемыми, но эта практика не дала результатов. Как наиболее характерные, макроуровневые примеры самоуправления вошли в экономическую историю в периоды перестройки в Югославии и СССР, а менее масштабным оказалось действие групп испанских кооператоров по самоуправлению (Мондрагонская группа) [16, с. 45; 17, с. 144].

По мнению большинства российских исследователей-экономистов, формы самоуправления и раньше, а тем более теперь малоперспективны для оптимизации отношений собственности с целью извлечения возможно большей прибыли, направляемой на изменение материального положения, качества жизни занятых в трудовом процессе, членов их семей.

Более приемлемой и эффективной в этих целях методикой стало движение социал-реформизма, берущее начало в работах О. Бауэра, Р. Гильфердинга, К. Реннера и других немецких и австрийских теоретиков социал-демократии,

разработавших проекты изменения отношений собственности через социальное реформирование капитализма. Действительно, в ходе внедрения этих идей в экономическую практику персонал предприятий получил право обсуждать проблемы технологических изменений и нововведений, кадровой, инвестиционной политики. Тем не менее все важные решения принимаются руководством компаний.

Составляющие экономической демократии в западных странах включают в себя практику социального страхования производственного травматизма и безработицы, гарантии сохранения занятости, институты доверенных лиц трудящихся. В институциональном плане во главу угла ставится задача включения трудовых коллективов и профсоюзов в систему управления производством, придание им функций самостоятельного менеджмента и собственника средств производства (акционерного капитала). Инструментом введения экономической демократии должны быть государство, его законодательные акты и/или коллективно-договорное регулирование (специальные соглашения с работодателями).

Социал-реформистским девизом экономической демократии стал тезис «один человек – один голос», ставился вопрос о равенстве граждан при принятии экономических решений, об «экономическом гражданстве».

Цель реформ достигается переходом принятия решений от меньшинства к большинству, при этом не обязательно отнимая функции руководства у непосредственного руководства предприятий, а *расширением функций государства и гражданских институтов общества (профсоюзов, объединений по интересам, правозащитных организаций) по распределению результатов производства через механизмы налоговой и социальной политики.*

Отметим, что как раз эти проблемы и обсуждаются сейчас у нас в стране, предопределяя вектор поисков по решению самой актуальной проблемы общества – достижения благосостояния для большинства населения, существенного подъема уровня качества жизни. Сейчас этот уровень даже в таком экономически сильном субъекте РФ, как Республика Татарстан, отстает по качеству жизни развитых стран на 27,2 %,

т.е. не дотягивает минимум на треть до качества жизни развитых экономических систем. Очень низки темпы сокращения разрыва в этих соотношениях. Поставленная руководством Республики задача войти в разряд развитых по качеству жизни стран приблизилась за эти годы очень незначительно, разрыв сократился всего на 2,4 %. *Для активного продвижения к этой цели полагаем жизненно необходимым усиление механизма регулирования тарифов, которые по стоимости набора услуг не должны превышать индекса потребительских цен и соответствовать основным показателям достигнутого уровня жизни населения.*

В этом плане шведская модель рыночной экономики и сегодня остается примером, заслуживающим особого внимания экономистов. Не случайно, как в зарубежных, так и в отечественных монографических исследованиях финансово-экономической политики стран Швецию выделяют особо, не анализируя ее экономическое развитие ни в составе стран Евросоюза, тем более что она туда и не входила, ни в числе западных стран [18, с. 267].

Основанием для этого является, на наш взгляд, сохранившийся даже после структурных изменений шведской экономической политики после кризиса 90-х годов, вектор *развития на социальную защищенность, высокий уровень расходов населения, опора на национальный опыт и ментальность нации, демократические механизмы решения общегосударственных проблем.* Далеко не случайно, что соотношение I и X децилей (самых бедных 10 % и самых богатых 10 % населения) является одним из самых низких среди развитых и даже развивающихся стран – 6,2, в то время в США – 15,7; В России – 14,8; Англии – 13,6. По показателям ВВП на душу населения Швеция занимает лидирующее положение в группе развитых стран, превышая средний по миру показатель в 3 раза, а доходы на душу населения – в 2,5 раза. Для сравнения скажем, что Россия по ВВП на душу населения занимает 56 место, а доходы составляют 95 % среднемировых [19, с. 85, 89].

Продолжение в следующем номере.

Литература:

1. Гришин И. Шведская модель общественно-го развития: дихотомия рынок – политика // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2005. – № 10. – С. 76-86.
2. Марцинкевич В. Современные тенденции в воспроизводственном процессе США // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2005. – № 1. – С. 55-65.
3. Волков А. Швеция: социально-экономическая модель. Справочник. – М., 1991. – 188 с.
4. <http://www.socialdemokratema.se/sapobj.nst> WhatisSocialDemocracy – ru/pdf.
5. Шведская модель общественного развития // *Общество и экономика*. – 1997. – № 1-2.
6. Sen A., Nussbau M. *The Quality of Life*. – Oxford, 1995.
7. *World Politics*. – January. – 2003.
8. Линдгрэн А. Шведский эксперимент. – М., 1998.
9. Актуальные вопросы глобализации. Круглый стол МЭ и МО // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1999. – № 8.
10. Певзнер Я. Введение в политическую экономию социал-демократии. – М.: ИМЭМО, 2000. – 88 с.
11. Бляхман Л., Кротов М. Глобализационное измерение реформы и задачи промышленной политики // *Российский экономический журнал*. – 2001. – № 3. – С. 12-23.
12. Надель С. Рыночная экономика и экономическая демократия // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2000. – № 1. – С. 45-53.
13. Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М., 1994. – 416 с.
14. Романова О.А., Ткаченко И.Н. Развитие элементов демократизации в корпоративном управлении (пути и перспективы). – Екатеринбург, 1999.
15. Виноградов В.А. Рабочий контроль над производством: теория, история, современность. – М., 1983.
16. Капелюшников Р. Экономическая теория прав собственности. – М., 1990. – С. 75.
17. На пути к экономической демократии. Международный опыт. / Под ред. А. Бузгалина. Книга 1. – М., 1994.
18. Гутник В.П., Подколзина И.А., Островская Е.П. Финансовая политика стран ЕС. – М.: Наука, 2004.
19. Болотин Б. Разрыв в доходах населения: данные мировой статистики // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2005. – № 7. – С. 83-99.

International Practice of Living Standards Research

F. Ziyatdinova, A. Ziyatdinov
The Kazan State Finance and Economics Institute

The article refers to the practice of developed economies in attaining high or acceptable living standards. Basing on the comparative analysis the author concludes that the countries with active state regulation system (according to Swedish model) demonstrates better ratings of developing human capital in comparison with the capitalist countries of Western Europe and the USA. The article defines the essential components of the stated model: universal system of social provision, developed public sector of social service, active employment policy, price policy regulation aiming to provide price stability and poverty decrease.

Key words: living standards, way of life, life level, state regulation, minimal income threshold